

Маттео Норис

Предисловие к драме «Катон Утический»

Читатель,

миром сим владеет безумное стремление как веселиться непрестанно, так и проливать слёзы, не зная меры. Посреди всеобщего помешательства надлежало философу исправить и этот дикий обычай, седьмой вослед шести. Для тех, кому дано разуметь, нравственный его смех есть поучительное примирение двух вкусов столь друг другу враждебных – союз утешительный и плодотворный – а вместе и полезное назидание нелепой меланхолии Гераклитов, кои так усердно предаются скорби, что никогда не дозволяют глазам своим быть со слезами в разлуке. Им, алкающим мучений, предуготовил я в драме пиршество страстей любовных и героических – любовных без непристойности, а героических в виде примера – и из раны Катона полною чашей черпал я слезы и кровь, чтобы испили ту чашу граждане Республик, и патрицианская гордость, опьяненная нектаром оным, в вакхическом восторге воспарила бы к пределам Вселенной. Такова вторая драматическая идея, кою представляю я тебе в нынешний карнавал – создание бесплодного и несчастливого моего таланта. Демокрит здесь осмеивает одного человека, который судит, не ведая буквы закона, а равно и другого, которому всё-то ведомо, и судит он, ни одной буквы не желая прочесть. Но для понимания глубокого требуется лот Демосфена, а не легчайший парус Пилота, что лётном своим скользит над поверхностью. Там, где писано кратко, должно задерживаться на малом, там же, где многословно – ровно настолько, чтобы довольно уразуметь; иными словами, читающий не понимает либо почти ничего, либо вовсе ничего. Усидчивый же читатель в обеих драмах моих и без фонаря Диогена обнаружит то, чего, по словам последнего, не существует.

О том, какова была вражда между Катонем и Цезарем, повествует Плутарх. Он поведает тебе о суровости и красноречии Катона, о любви, питаемой народом и Римом к тому, кого Сенат признал первейшим из граждан; поведает, какую

речь произнёс Катон, призывая смертью покарать преступное деяние; поведает, как предрёк он Риму погибель от меча Цезаря, восставшего супротив Отечества, и о том, почему в Утике Цезарь с войском двинулся на него. Заповедав сыну любовь и повиновение Отечеству, он сам нанёс себе рану, а после, собственной рукою отворив её, покинул эту жизнь. Сие историческое деяние, призванное служить высоким примером в глазах Республики, что так возлюбила его, и укрепить граждан в их вере, явил я ныне взорам того самого Рима. Вот тебе история, остальное же предоставим воображению; рана Катона будет показана тебе, но не смерть, ибо далее воспоследуют брачные торжества Цезаря с Фламинией и Флора с Сабинной.